

Орбита до Орбиты. Интервью

Алексей Товпыга: “Орбита” появилась в 1999 году – как это вообще всё начиналось? И что было до того?

Сергей Тимофеев: Жили-были 5 богатырей... Мда, просто мы столько раз это рассказывали, что уже не представляем, как это рассказать интересно.

Владимир Светлов: Хорошо, давай неинтересно. До 1999 года мы все работали независимо друг от друга. Сергей одно время делал свой проект на телевидении, я его впервые увидел вообще по телевизору.

С. Т. : А я вот тогда Володю из телевизора не видел.

В. С. : Сергей писал и публиковал тексты, я пытался выпускать какой-то самиздат. Артур тоже писал поэтические тексты – и нас объединило желание выпустить свое полноценное издание.

Артур Пунте: В нашем первом альманахе были и фотографии, и литературные тексты, и эссе вперемешку – это не был чисто литературный продукт...

В. С. : Меня как раз больше интересовала фотография, я мало писал поэзии и сейчас мало пишу... Желание сделать такого рода мультижанровое издание нас объединило. Мы узнали о существовании друг друга, встретились и обрадовались тому, что все хотели одного и того же. Потому что на тот момент, как нам казалось, не было ни одного медиа, ни одного издания, которое бы показывало актуальную на тот момент литературу, актуальную фотографию.

А. П. : С русскоязычными изданиями в Латвии была вообще довольно специфическая ситуация.

В. С. : При том что в начале 90-х был очень хороший прецедент, журнал “Родник”, который был совершенно культовым изданием не только в Латвии, но и на территории Советского Союза.

А. П. : Но к тому времени «Родника» уже не было, поэтому приходилось думать о каком-то другом формате, и что интересно, такая мысль приходила в голову не нам одним. Было много и других инициатив, так и не осуществлённых, и в первом альманахе у нас было опубликовано на эту тему эссе Дмитрия Ранцева (кажется, оно называлось “Постскрипtum к опущенным эпитафиям”) – обзор рижских журналов, которые так и не воплотились на бумаге.

В. С. : Кроме того, появилось новое поколение молодых авторов, у которых совершенно не было своей площадки. Если сейчас социальные сети в какой-то степени компенсируют это стартовое пространство, то есть люди могут публиковаться, находить своих

единомышленников, то на тот момент интернет существовал еще на уровне э-почты, сайтов было крайне мало. Помимо печатного издания, мы, конечно, хотели сделать свой сайт, и сайт “Орбиты” в первой версии стал такого рода платформой для молодых авторов. Мы представляли там очень много молодых поэтов и фотографов.

А. Т. : А что можно сказать о тогдашней ситуации с фотографией в Латвии?

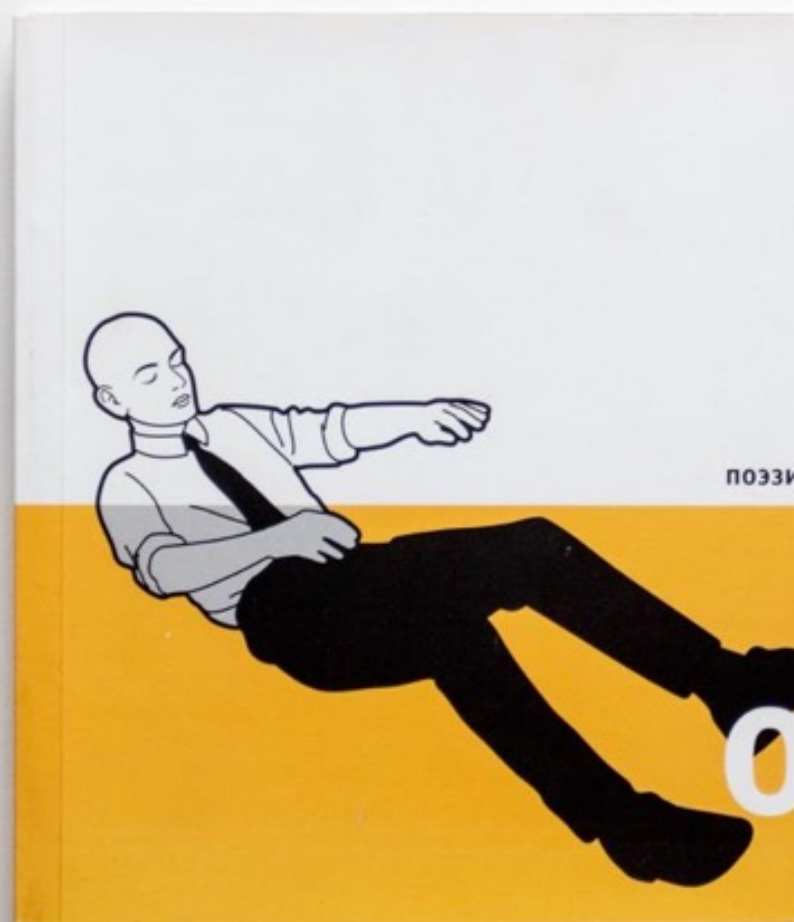
В. С. : На тот момент в стране существовала довольно сильная школа фотографии родом из 60-70-х, и одной из главных звезд того поколения, на мой взгляд, был Андреис Грантс (Andrejs Grants). Он преподавал молодым фотографам, и мне кажется, большая часть современной фотографической сцены Латвии – его бывшие ученики. Даже если они совершенно стилистически на него не похожи и снимают по-другому. Он создал вокруг себя школу. Было и много совершенно независимых молодых авторов, которые экспериментировали, искали свой путь.

А. П. : Ещё получилось, что из-за того, что первый альманах был таким смешанным (там были фотографии, эссе, стихи), то потом как-то естественно это переросло в чисто фотографические издания. Просто в силу того, что этот круг авторов стал нам хорошо знаком, мы стали их не только добавлять в издания, но и выпустили несколько отдельных фотоальбомов – Халилову, Коровина, Гронского.

В. С. : Изначально была идея сделать серию тонких фотокнижек, которые бы представляли каждая по отдельности одного автора. Серия называлась “Збехр”, это стандартное количество кадров фотоплёнки – 36 кадров. И мы отбирали по 36 фотографий каждого нового автора и как бы создавали такую идеальную плёнку, которую можно условно снять, если каждый кадр будет суперудачным.

А. П. : Своего рода портфолио...

В. С. : Да, мы очень удачно выпустили в 2006 первую книжку, но как раз начался кризис 2008 года, стало труднее находить финансирование, и эта фотографическая серия так и не выросла, не развилась.

ПОЗЫ

Здравствуй, Саша!

Огромное спасибо за письмо, я просто запрыгала от радости, когда увидела твой конверт в почтовой ящике. Твои рисунки (три моих любимых) стоят у меня теперь на столе. В Париже поже осень. У нас во дворе вся земля в шуршащих листьях, опавших с акаций, которыми все больше и больше наполняется моя комната (пылесосить – лень, и я совсем не прогнала листья на полу).

Мне самой достаточно трудно кляхаться, что я в том самом Париже. В первый день, когда я вышла погулять в центр Парижа, у меня захватило дух, а потом я просто стала чувствовать себя так, как будто прожила здесь всю жизнь. Может, это оттого, что я очень долго жила ожиданием этого момента.

А. Т. : То есть поэты публиковали фотографов?

В. С. : Чем хороша ситуация в Риге, мне кажется, – что художественные сообщества здесь не

существуют изолированно, из-за того, что арт-комьюнити достаточно небольшое, город-то не очень большой, художники общаются между собой, нет такого, что существует отдельно фотографическая тусовка, поэтическая или музыкальная...

С. Т. : На самом деле это не совсем правда, скорее, это последние лет 15 так происходит. До этого круги были гораздо обособленнее. Скажем, литературная тусовка не особо пересекалась с художественной, по крайней мере в 90-х.

А. Т. : То есть вам удалось успешно распространить свою стратегию смешения жанров?

В. С. : Во всяком случае нам удалось расшевелить литературную тусовку, перезнакомить с визуальной и музыкальной. В том числе потому, что мы сами стали делать перформансы, куда приглашали участвовать и музыкантов, и видеохудожников. По сути, уже первая наша совместная работа – это было коллективное поэтическое выступление, перформанс на открытой площадке, на улице. И это было одно из официальных мероприятий Дней поэзии, которые проходят каждую осень в Латвии и на которые пригоняют школьников. В те времена это было довольно официозное, скучное мероприятие, а изначально оно было ещё привязано ко дню рождения классика латышской литературы Яниса Райниса. Мы решили сделать ему своего рода посвящение, оттолкнувшись от цитаты из его стихотворения, которую каждый проинтерпретировал по-своему. И то, что мы сделали, было уже больше перформансом, чем просто чтением стихов.

А. П. : Детям понравилось!

В. С. : Дети были в восторге, в нашем составе тогда был поэт Жорж Уаллик. Он до того, как стал с нами сотрудничать, занимался театром. У него были спектакли, и он сам по себе интересный режиссер и актер, так что он превратил своё чтение текста в манипуляцию с объектами, с лягушкой, с зонтами. И школьники действительно были в восторге. Это был такой момент, когда мы поняли, что то, что мы делаем вместе, может быть интересно остальным. Мы напечатали специальные поэтические плакаты к этому выступлению. Дети подбегали, выхватывали их у нас из рук, а мы тут же раздавали автографы, в общем, было такое ощущение звёздного момента.

С. Т. : Я потом работал вместе с одной девушкой, она как раз из Даугавпилса, где мы тогда выступали. И у неё дома до сих пор висит этот плакат, который она получила вместе с автографом, ей тогда было лет 11-12, наверное.

А. Т. : А что было на плакате?

С. Т. : Наш общий снимок как настоящей такой текст-группы. И, собственно, сами тексты. Этот плакат был ещё и своего рода книжкой.

В. С. : Его можно было сложить, и если потом скрепить и разрезать по краям, то получалась книжечка со стихами. А в рижском варианте выступления на место мероприятия мы приплывали на кораблике и читали прямо с него публике, специально собравшейся на берегу. Пока один читает, все остальные его фотографируют. Пять стихотворений от пяти поэтов, а потом кораблик уплывает.

С. Т. : Рижская версия называлась “Самое короткое чтение 1999-го”. Там был один красивый момент. Приехало телевидение – они-то привыкли, что когда кончается мероприятие, нужно подойти и задать вопросы. И вот как раз мы закончили, каждый прочитал по одному стихотворению, и оператор с камерой плюс журналист с микрофоном направляются в нашу сторону, а кораблик бац – берет и отплывает. И журналист тянет к нам свой микрофон, пытаясь задать свой первый вопрос, но мы как приплыли без комментариев, так и уплыли.

В. С.: Плюс к тому нас никто не знал, то есть, может быть, Артура или Сергея знали как поэтов, а все остальные были совершенно неизвестные люди, но мы вели себя как “звезды”. Эпатажно читали, фотографировали друг друга, обыгрывали своего рода стереотипы: вот приплыли звезды, они буквально по одному стихотворению сейчас прочитают и исчезнут, растворятся вдали, на горизонте...

А. Т. : Хотелось бы, чтоб каждый ещё рассказал про себя. Кто такой Сергей Тимофеев?

С. Т. : Да, сложный вопрос, кто же он такой...

А. П. : Сергей был поэтом и диджеем на тот момент, а до того – ведущим программ о культуре на телевидении и радио, а ещё выступал и снимался как фэшн-модель.

С. Т. : Слушай, ну сколько я там этим занимался...

В. С. : В настоящее время Сергей – редактор художественного портала о современном искусстве *Arterritory.com*, русской его части.

А. Т. : А Артур?

А. П. : Сам я из крестьян.

С.Т. : Артур вообще помещик, у него огромные поместья, он оканчивает курсы агрономов, получает диплом...

А. П. : Садовода!

С. Т. : Садовода, потому что у него будет большая роща орехов...

А. П. : Сперва вернемся к 1999-му, я мыкался по Союзу писателей, где тогда ещё было русское отделение. Мы с Жоржем Уалликом пытались, как нам казалось, расшевелить это болото – проводили там какие-то чтения, участвовали в конкурсах, что-то хотели издавать и так далее. Ещё ходили в редакцию довольно консервативного в тот период журнала “Даугава”, где нас всячески унижал литературный редактор.

С. Т. : Ребята до сих пор об этом помнят!

А. П. : Да, не забыли. Оно так и было. Мы пришли в Дом печати, там сидит такой в сером костюме ещё советских времен литературный редактор и начинает нам рассказывать, почему наши стихи никуда не годятся, хоть мы и выиграли с ними в каком-то конкурсе Союза писателей, что и стало поводом пригласить нас. И в какой-то момент Жорж обращается ко мне, как будто нет этого редактора в кабинете вовсе, и говорит: “Кажется, он нас не будет публиковать”.

(все смеются)

А. П. : Я говорю: “Да, пожалуй, на то похоже. А чего мы сидим? Пойдем уже”. А монотонное это бу-бу-бу продолжается на фоне, пока мы выходим из редакции. Как-то всё это стало неприемлемо, и как-то удачно “Орбита” сложилась как раз вскоре после этого.

С. Т. : У меня еще был опыт с самиздатом, я печатался в такого рода изданиях. И в Петербурге – в “Митином журнале”, и в Риге, где кроме “Родника” было несколько андеграундных литературно-художественных изданий. С другой стороны, был ещё какой-то музыкально-организаторский опыт. А у Артура был уже опыт проведения литературных мероприятий. У Владимира – контакты с фотомиром, с визуальными штуками. Мы однажды даже вместе участвовали в выставке, которую он делал в рижском клубе “Секретный

эксперимент” в середине 90-х. Семён Ханин всегда знал какие-то правильные места для того, чтобы с чем-то выступить, правильные типографии и тому подобное, к тому же был очень крепко филологически подкован. В общем, у каждого были кроме поэзии, кроме чисто текстовых штук, какие-то дополнительные элементы, которые можно было как пазл сложить, и так примерно это и произошло.

А. Т. : Так вот - как же это так удачно сложились?

А. П. : Однажды на кухне Сергей сказал: предлагаю, чтобы новый альманах назывался “Орбита”. Мы сказали: не самое удачное название, но пусть будет. Вот как-то так... И первый

альманах оказался хорошим поводом собраться вместе.

С. Т. : Первое наше выступление было как бы рекламой этого альманаха, который должен был выйти. А потом уже мы продолжали выступать без этого повода.

В. С. : Меня интересовала фэшн-фотография, и это впоследствии стало профессией. Уже в то время, в конце 90-х, я искренне верил, что могу этим зарабатывать на жизнь. И со своим портфолио ходил по редакциям модных журналов. Их листали какие-то редакторы, говорили “Да-да-да, очень интересно” и больше не перезванивали. Тогда я подумал, что я бездарный фотограф моды, что, видимо, не судьба – и пошёл учиться психологии. Потом использовал полученные знания в рекламном агентстве. Заниматься рекламой многим казалось очень прикольным в 1999 году, потому что это был доступ к технологиям, к производственным мощностям каким-то. В тот момент человек не мог просто купить себе лэптоп и сверстать журнал или смонтировать видео. Рекламное агентство было хорошим ресурсом для того, чтобы делать свои проекты. Я с Артуром познакомился именно в рекламном агентстве.

С. Т. : Этот производственный момент важен, потому что для всех первых изданий, которые мы делали, этот процесс полностью – от редактуры до создания макета, до контроля того, что происходит в типографии – осуществляли мы сами. Тогда ещё с нами плотно работал художник Владимир Лейбгам, который по сути был шестым участником “Орбиты”. Правда, в последнее время мы уже доверяем саму технологию другим художникам, с которыми работаем над книгами, но всё равно участвуем в создании визуальной концепции.

В.С. : Было знание того, как все устроено, от начала до конца процесса мы всё умели делать сами. Поэтому, может быть, и сформировалось такое представление об “Орбите” как о монолитном коллективе. У нас нет чёткой концептуальной позиции, но однозначно есть какие-то эстетические критерии, ориентиры, достаточно общие и выработанные в дискуссиях. Конечно, это безумно медленное производство, мы можем одну книжку делать год или два, это невозможно в реальном коммерческом издательстве...

А. Т. : А как вы перешли к инсталляциям и художественным проектам?

С. Т. : Скорее через видео.

А. Т. : Видео вы тоже все занимались каким-то образом?

С. Т. : И довольно серьёзно.

В. С. : Тогда как раз стало возможно им заниматься. Сначала было кино, да. То есть я тоже делал какие-то первые эксперименты на 16мм киноплёнке, но дальше этого не пошло, потому что всё-таки кино было очень сложным производством. Технический прогресс несомненно влияет на развитие искусства, это неотделимые процессы. И в какой-то момент стало возможным заниматься видео.

А. Т. : А аудиоальбомы?

С.Т. : Всё происходило параллельно: сразу после выпуска печатного альманаха мы записали и свой первый диск с разными музыкантами – в основном из Риги, хотя и из Москвы несколько было. Там были наши тексты в авторском чтении и специально написанная для них музыка. И тогда же начали организовывать первый фестиваль видеопэзии в Риге, Word In Motion, который прошел в 2001 году. Сразу наметились основные линии, которые мы потом ещё несколько лет развивали и продолжали. Но когда мы провели уже второй фестиваль видеопэзии, то поняли, что заниматься такими чисто организаторскими делами для нас тяжело.

К тому же, тогда нас пригласили и на первую “Зебру” (фестиваль видеопэзии, который теперь регулярно проводится в Берлине), туда в 2003-м поехала “Света”, есть у нас такой известный видеоклип, и мы попали в финал, но не выиграли. В том году было где-то три финалиста. Но мы съездили туда, посмотрели. И поняли, что по возможностям бюджета, по организационному размаху они всё равно эту тему охватят обширнее, поэтому отпала необходимость делать свой фестиваль, который мы запустили в 2001-м. Не было смысла в Европе сосуществовать сразу двум таким фестивалям. Хотя мы ещё несколько раз устраивали такого рода видеопоказы, в том числе приглашали и коллекцию фильмов-призёров “Зебры” в Ригу.

А. П. : Ещё такой момент – почему мы не каждый раз участвовали в “Зебре” и иногда просто забывали туда отправить свои работы: мы никогда себя так не позиционировали, вот, дескать, мы занимаемся видеопэзией. Зачастую видеоролики, которые мы снимали, были побочным результатом какого-то другого процесса, так, например, было с моей “Улицей Таллинас”, которая изначально создавалась как инсталляция. А первые наши видео вообще были сняты специально для организованных нами же фестивалей.

А. Т. : Термин “видеопэзия” уже существовал тогда?

С. Т. : В общем-то да.

А. П. : По-моему, у нас на видеокассете 2002 года так и было написано: фестиваль видеопэзии... Или поэтического видео?

С. Т. : Всё-таки поэтического видео...

А. Т. : Что это такое, видеопэзия?

А. П. : Если вкратце, то я скажу, что видеопэзии как таковой – отдельно – не существует, это частный случай медиапэзии, более широкого явления, в котором поэзия вступает в диалог с другими искусствами. Я имею в виду, что тот факт, что мы имеем фестивали видеопэзии, в большей мере связан с организационными причинами: проще устроить видеопоказ, чем выставку поэтических инсталляций или поэтических перформансов.

В. С. : Тогда что такое медиапэзия?

А. П. : Это все синтетические жанры в любых сочетаниях поэзии с другими искусствами.

С. Т. : Тут мне кажется важно сказать ещё, что эти тексты не писались специально для клипов. То есть они уже существовали. Тексты вообще пишутся, появляются, и только потом ты уже думаешь, что ещё с ними можно сделать, кроме публикации и чтений – может, так попробовать, а может, так. К тому же нам было интересно прервать этот изоляционистский круг, который существовал в 90-е у нас, когда литература воспринималась только как текст, как буквы, как какие-то напечатанные листочки, над которыми все трясутся. Как бы понятно, что это в любом случае никто не отменяет, это всё остается, но ведь может быть ещё что-то другое, связанное с теми же самыми строчками.

Ещё мне кажется, что людям, которые связаны больше с визуальной сферой, как раз любопытно сотрудничать с авторами текстов, потому что это своего рода готовый месседж. Порой им не так просто для своих работ найти какое-то наполнение чисто смысловое, какое-то послание, и для них может оказаться интересно поработать с уже готовым текстом, попробовать его во что-то завернуть или продолжить в визуальном измерении.

В. С. : На самом деле, занимаясь медиапоэзией, мы столкнулись с тем, что мировые литературные институции до сих пор очень консервативны, до сих пор существует жанровое разделение, и те, кто занимаются продвижением литературы, отнюдь не готовы поддерживать другую литературу, кроме традиционной. В то время как среда современного искусства открыта любым экспериментам, это поле оказалось наиболее свободным, и наши последние работы с текстом, скажем, инсталляция “Два сонета из Лапуты” в Венеции или парящие в воздухе “откровения”, выставленные в помещении арт-станции Dubulti, – это всё акции на площадках современного искусства. Эти работы в большей степени существуют в поле современного искусства и в гораздо меньшей степени в поле “чистой литературы”.

А. П. : Ну да, вот то, с чем мы столкнулись – литературная среда всегда задается таким вопросом: а это вообще поэзия – или всё уже, не поэзия (а проза или арт-объект)? А среда современного искусства приемлет всё, любые жанры.

С. Т. : И этой сфере вообще традиционно довольно много работ с текстом.

А. П. : В итоге, как ни странно, четверо поэтов стали постоянными участниками выставок современного искусства.

Інтерв'ю з текст-гуртом "Орбіта" було записане восени 2016 року на фестивалі відеопоезії "Циклоп" і розповідає про початки їхньої діяльності як колективу. Перформанси "Орбіти" (учасниками яких є Артур Пунте, Семьон Ханін, Сергій Тімофєєв, Владімір Світлов) були представлені в Україні на декількох фестивалях, зокрема Kyiv poetry week, в онлайн-виданнях була опублікована в перекладі їхня поезія.